

настоящее. – М.: Известия МГТУ «МАМИ». № 4 (18), 2013, т. 2.

3. Пырин А.Г. Художественный авангард-искусство! – М.: «Вестник Российского философского общества». № 1, 2010.
4. Фадеева М. Пора наводить мосты // «Ведомости» М.: 23.04.2010.

Философские и социальные основания антисциентизма

к.ф.н. доц. Худoley С.С.
Университет машиностроения
hdls@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики антисциентизма, особенностям его возникновения и развития, актуальности в отдельные периоды истории, а также противопоставлению его сциентистской философской традиции.

Ключевые слова: антисциентизм, сциентизм, жизнь, философия, религия, культура, наука, техника, этика, история, экология, технократия.

В истории философии акцент на научные ценностные ориентиры усиливал или терял свое значение в зависимости от особенностей культуры, свойственных тому или иному историческому периоду. Этот феномен проявлялся в противоборстве двух философских и мировоззренческих позиций: наряду со сциентизмом были и продолжают оставаться актуальными противоположные ему антисциентистские идеи.

Суть антисциентизма состоит в негативной оценке исключительности научного знания, в критике его претензий на доминирующее место в культуре, а также в критике вывода о ведущей роли науки в общественном развитии.

Более того, не останавливаясь на критике, в некоторых вариантах антисциентизма делается вывод об отрицательных следствиях научных достижений. Особенно это стало характерным для современной истории, когда возникают многочисленные этические, правовые, медицинские, биологические проблемы, не говоря уже о военных или экологических. Последние, являясь объективным результатом как научных открытий, так и реализации этих открытий в технике и в различных технологиях, в том числе в военных, могут катастрофически сказаться на исторической судьбе мирового сообщества.

Наука – это один из феноменов, который законно занимает важнейшую культурную нишу в условиях современного информационного общества [1]. Но вместе с тем, с антисциентистских позиций, наука не более значима для исторического прогресса, чем, к примеру, искусство, мораль или религия.

Следует отметить, что антисциентизм, как и всякие отрицательно относящиеся к предмету своего интереса теоретические и мировоззренческие концепции, внутренне не представляет собой единого целого. Он крайне разнообразен не только по содержанию, но и по степени негативизма в отношении научного знания – от радикального отрицания какого-либо положительного качества науки до определения пределов и границ научного влияния на различные стороны общественной действительности.

В последнем умеренном и вполне приемлемом качестве критическое отношение скорее связано не столько с самой наукой, сколько с последствиями ее идеализации, и особенно с результатами использования научных достижений в социальной практике, в том числе, – техническими и экологическими последствиями.

В связи с таким пониманием проблемы понятным должно быть содержательное различие антисциентистских тенденций, тем более в различные исторические периоды, в разных философских концепциях.

Так, в античной культуре появление идеи агностицизма в некоторых философских школах уже можно интерпретировать в качестве критического воззрения на возможности человека в области познания окружающей действительности. Такова переориентация философии от оптимистичного поиска ответов на натурфилософские темы в первые века станов-

ления философии к последующему гносеологическому сомнению и пессимизму по поводу возможности получения истинного знания, например, у софистов или скептиков.

К той же эпохе относится постановка кардинально новых проблем, переход от изучения объективной природы к интересу в области исторически и культурно преходящих феноменов, таких как религия, мораль, политика, государственное устройство.

Подобное явление еще более усиливает смещение акцентов от прежних представлений о возможности достижения аргументированного и единственно истинного знания к представлениям о принципиальной множественности понимания и истолкования философских вопросов.

Данный процесс – свидетельство не только зародившегося в античности скептицизма вообще, но и скепсиса относительно возможности доказательного научного знания, в том числе даже в тех вопросах, которые впоследствии стали предметом исследования естественных наук.

Конечно, это еще не антисциентизм в современном понимании, но сам дух и установка антисциентистского мировоззрения налицо: науке отведено своё место – законное и должное, но вовсе не абсолютное и универсальное.

Также не следует забывать об отсутствии, особенно в рассматриваемый период, строгого понимания и определения самой науки. Если в качестве бесспорных наук имеются в виду, например, науки о природе, естествознание, то очевидно, что любое другое знание может быть определено как научное только в некотором условном и относительном смысле.

В античности такого рода рассуждения еще не были актуальными, так как процесс становления рациональных представлений человека об окружающей его объективной реальности – это постепенный и долгий процесс, находившийся в ту пору на начальной исторической стадии.

Дальнейшее развитие изменяло ситуацию, однако нельзя сказать, что изменения происходили линейно, т.е. что они последовательно усиливались, обосновывая тем самым рациональные и логичные представления людей о мире.

Напротив, долгий период средних веков с всеобщим преобладанием религиозного мировоззрения и религиозной культуры не мог не сказаться соответствующим образом на философии, в том числе и на взглядах, относящихся к рассматриваемой проблеме антисциентистских представлений. Очевидно, что религиозная философская традиция могла и должна была ускорить тенденции антисциентизма за счет снижения уровня рациональности, сужения пределов использования научных исследований и их достижений как аргументов понимания истины.

Но подобное развитие антисциентистской парадигмы происходило вовсе не в том смысле, в каком было определено ее зарождение в античной философии. Как было указано ранее, антисциентизм содержательно разнвариантен.

В средние века противостояние науке определялось совершенно иным дискурсом, который был связан с принципиально другой – религиозной традицией, выводы и объяснения которой никак не зависят и не определяются научными выводами. Более того, религиозная философия в системе своих приоритетов может вполне логично рассматривать науку как исключительно ограниченную по своему потенциалу сферу человеческой деятельности. Потому наука принципиально не совершенна, в том числе по формулируемой истинности выводов, и, в конце концов, совсем не актуальна для понимания ценностей бытия, а также представлений о настоящей цели человека и смысла его существования.

Средние века, таким образом, – это эпоха, культура и философия которой универсально антисциентичны в отличие от любого другого исторического времени, и подобная характеристика имплицитно содержится во всеобщей религиозности жизни средневекового общества.

Отдельные кажущиеся отклонения от данного лейтмотива эпохи (например, сами теологические исследования, или поиск логической аргументации Божественного бытия) – ско-

рее, свидетельства философской непоследовательности, и могут быть объяснены как не более чем дань интуитивному стремлению даже верующего человека к рациональному объяснению.

Иными словами, такого рода девиации в средневековой философии отражали понятные и естественные стремления человека оставаться на почве стабильности и уверенности знания. Они были используемы не для того, чтобы нарушить доминирующую в религиозной культуре систему мировоззренческих установок, а напротив, таким, не совсем последовательным образом, и пусть даже внутренне противоречиво, но все же с целью их обоснования. И тем не менее, именно подобная тенденция ухода от антисциентистской традиции объективно способствовала формированию кардинально нового вектора развития философии, положившего начало эпохе Возрождения сеедвучентризмом.

В интерпретации рассматриваемой темы эта эволюция, с одной стороны, продолжение антисциентизма Средних веков, хотя и в ослабленном варианте, а с другой – все более усиливающийся и прогрессирующий сциентизм в качестве нового научного ориентира философии.

Последнее постепенно становится философским мейнстримом в культуре Нового времени и достигает своего апогея в философии Просвещения с ее материализмом, механицизмом и атеизмом.

Однако, как это характерно для истории вообще и истории философии в частности, дойдя до своего крайнего положения мировоззренческий маятник, словно оттолкнувшись от крайнего барьера, вновь начинает свой путь в обратном, в данном случае – антисциентистском направлении.

Как реакция на крайности сциентизма – на универсализацию и абсолютизацию научного, прежде всего – естественнонаучного знания, на стремление создать философию столь же единственную и окончательно доказуемую, как науки о природе, – в XIX веке формируются и становятся все более популярными антисциентистские философские течения, такие, к примеру, как экзистенциальная философия, философия А. Шопенгауэра, философия жизни.

Философия, начиная с Нового времени, и особенно философия эпохи Просвещения XVIII века интерпретирует человека как сложно устроенную машину. Такая философия исключала в человеке многое, имеющее для него значение не менее важное, чем рациональное знание, а именно, мир чувств, надежд, стремлений, эмоций, воли, веры, в том числе – религиозной.

В противоположность этому экзистенциализм, как и философия жизни, – именно такие темы, в которых выясняются особенности и смыслы жизни, сделали основным предметом своего исследования и интереса.

Вторая половина XIX века – время популярности позитивизма, марксизма, социалдарвинизма. Это период эффективного развития естественных наук – физики, химии, биологии, когда казалось, что достижения в данных областях способны обеспечить или, как минимум, стимулировать аналогичные процессы достижений и открытий в области гуманитарного знания [3].

Представлялось вполне возможным использовать выводы и методы, например, теории эволюции Ч. Дарвина, для создания столь же успешных социально-философских, социологических и исторических концепций. Г. Спенсер – английский философ, соотечественник и современник Ч. Дарвина считал, что борьба за существование, естественный отбор и т.п. способны объяснить происхождение человека, социальную эволюцию, общественные конфликты, историю и ее перспективы.

В то же время в противоположность позитивизму создаются и впоследствии, в XX – XXI веках, становятся чрезвычайно значимыми антипозитивистские философские и социологические течения. Одно из наиболее популярных и влиятельных среди них связано с именем М. Вебера, представителя неокантианской Баденской школы. Философия Баденской школы своими исследованиями способствовала возобновлению актуальности изучения ан-

тисциентистских традиций не только с точки зрения их содержания, но и с позиций их методологического анализа.

Заслуга Баденской школы и ее наиболее значимых представителей – В. Виндельбанда и Г. Риккерта состояла в обосновании теоретической несводимости и, следовательно, автономности естественнонаучного и гуманитарного знания, наук о природе и наук о культуре.

Подобные разработки замечательны тем, что отрицают односторонние аргументации в пользу выбора сциентистских или антисциентистских концепций, выбора, упрощающего в любом варианте сложные реальные обстоятельства. Вместо подобной искусственной схемы предлагается распределение проблем на те, которые можно изучать на основе поиска общих закономерностей, что характерно для естествознания, и те, изучение которых возможно на основе описания уникальных феноменов, что характерно для истории и других социокультурных наук [2].

Подобное разделение представляется наиболее последовательным и логичным, так как не стремится подогнать объективный материал под заранее сформулированную условную модель, а напротив – исходит из конкретного материала, стремится учесть его особенности.

В качестве вывода следует еще раз отметить, что антисциентизм противостоит сциентизму по нескольким позициям, наиболее радикальная из которых связана с критикой науки вообще.

Более логичным представляется антисциентизм в тех случаях, когда он отмечает неоправданные в его понимании претензии науки на приоритетное положение в различных ненаучных сферах, там, где точность и доказательность единственного варианта не представляются возможными. Или когда одними только техническими приемами подменяется сложный процесс системного управления. Как одна из показательных проблем в данном отношении может быть названа проблема технократического руководства.

При определенных обстоятельствах власть способна предложить решение общих социальных, экономических и политических вопросов без учета гуманитарной составляющей, в частности, не принимая во внимание то, как скажется подобный способ управления на слабо защищенных категориях населения. Т.е. в данном случае имеется в виду перенесение акцента решения проблемы на исключительно технические методы проведения этого решения. Подобная постановка вопроса и способы нахождения ответа логично критикуются с антисциентистских позиций.

Наконец, еще одна область противостояния антисциентизма и сциентизма обусловлена современными научными и техническими достижениями, их реальными или возможными негативными последствиями.

Технический прогресс – следствие научного прогресса. В этом отношении в качестве аргументов антисциентистской критики используются нынешние сложные проблемы, ставшие результатом научно-технического развития. С ними прежде всего связано использование высоких достижений науки и техники в военной сфере, создание оружия массового поражения, которое в наше время стало угрозой самому существованию человечества.

К таким же объектам критики с позиций антисциентизма относятся проблемы экологии, биологии, химии, медицины – все они ставят перед мировым сообществом не только частные, но и комплексные вопросы – культурные, политические, правовые, философские, этические.

Вопросы этики и философии, таким образом, остаются по-прежнему полем противостояния антисциентизма и сциентизма. Очевидно, однако, что, как и раньше, философскими аргументами не может быть определен и доказан в чью-либо пользу единственный истинный вариант ответа.

В каждом случае возможные выводы обусловлены разными факторами – такими, как особенности доминирующей в обществе культуры, или например, – религиозная, мировоззренческая, философская, или в конце концов – жизненная позиция.

В XX – XXI веках стало очевидным, что абсолютизация аргументов сциентизма или

антисциентизма и их претензии на исключительную истинность ни исторически, ни философски не оправданы [3].

Именно поэтому следует сделать вывод о том, что конфликт между ними – следствие одностороннего понимания уникальности собственного их подхода к многообразным проблемам, которые не могут иметь одинакового и тем более единственного универсального решения.

Литература

1. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества. М., 2012.
2. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А. Кризис техногенной цивилизации и формирование новой экологической парадигмы общественного сознания. – М., Известия МГТУ «МАМИ» № 4 (18), 2013, т. 2.
3. Худолей С. С., Матисов С.К. Особенности изучения философии и социологии студентами технических специальностей // М.: Известия МГТУ «МАМИ». № 1 (15), 2013, т. 6.
4. Худолей С.С. Сциентистская парадигма: особенности становления и развития // М., Известия МГТУ «МАМИ» № 4 (18), 2013, т. 2.

Влияние информации на политическую культуру этноса

Черных О.О., к.ф.н. доц. Удовик В. Е.

Университет машиностроения

O_chernyh@mail.ru(495)223-05-23 доб.1237, ludovik-70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, уровни и специфические особенности информационной составляющей этнической ментальности и конфликтности. На основе концепта «глокальной культуры» определяются роль и значение социально значимой информации как имманентного элемента этничности, а также основы формирования этнического самосознания, проводится анализ взаимосвязи информатизации и феномена современного этнического ренессанса, рассматриваются тенденции изменения «глокальной» культуры в её лингвистических составляющих.

Ключевые слова: этнос, этносоциальный конфликт, информатизация, информационное общество, глокальная культуры, социальный конфликт, этничность, этническая идентичность, межкультурные коммуникации.

Процессы глобализации сопровождаются интенсивным ростом информационно-коммуникативных технологий, формированием новых социальных отношений и новыми этносоциальными противоречиями. Возникновение и становление «глокальных» культур, ускорение миграционных процессов, возрастание роли этнической идентичности в массовом сознании требуют адекватного анализа специфики этнических конфликтов в условиях информационного общества. Исследования по проблемам информационного общества включают в себя проблемное поле межкультурного взаимодействия, специфику взаимосвязей глобальных и локальных культурных феноменов, роль информационных технологий в возможностях преодоления конфликтности.

Теория «информационного общества» предстает как логико-теоретический концепт, модель дискурса нового социального качества развития техногенной цивилизации. Значимыми факторами становления информационного общества являются глобализация, продолжающаяся информационно-компьютерная революция, ускорение динамики социокультурных изменений, активное взаимодействие культур и этносов, обмен информацией, рост межкультурных коммуникаций, возрастание числа инноваций. Налицо изменение модели и динамики социального развития, включая состояние массового сознания, этнической идентичности, развития глокальных культур.